

Аветисян Гаяне

Сицилийский штрих

Лаврентий Павлович был застенчивым от природы. То ли генетика подвела, то ли воспитание. Всякий раз, когда его называли по имени и отчеству малознакомые люди, появлялся страх и неловкость, будто он что-то сделал не так. С самим тезкой его родители были незнакомы и сына своего называли Лаврентием ни в честь политического злодея, а в честь прадеда по отцовской линии. В детстве Лаврентий Павлович был просто Лаврушечкой, но повзрослев и выбрав профессию учителя, стал жертвой постоянных насмешек и курьезных случаев. Он преподавал географию в старших классах, и самые нерадивые ученики, получив очередную двойку, за глаза называли его «Берия», хотя фамилия у него была совсем другая. Такое сравнение было оскорбительным, но на людях он не выказывал своего недовольствия, пытаясь казаться воспитанным и снисходительным.

Как-то, в начале мая, аромат белой сирени настолько одурманил воображение физрука, что тот в присутствии хорошенькой практикантки стал рассказывать старый анекдот, концовку которого знал весь педагогический коллектив – «Попытка – не пытка. Не правда ли, Лаврентий Павлович?». В этом месте рассказывающий физрук повернулся бы, конечно, к нему, и все начали бы хохотать.

Убегая от очередного розыгрыша, Лаврентий Павлович вышел на школьный двор и, чертыхаясь, стал ругаться, не замечая рядом стоящего сторожа. Сторож не имел привычки первым вступать в разговор, так как сильно заикался, но услышав знакомые слова, он, опешив от неожиданности, медленно произнес: – Ты са-ам сэ-во-лочь. И имя т-во-е сэ-во-лочь.

Лаврентий Павлович не стал оправдываться, а только махнул рукой и снова пошел в учительскую за географическими картами и большим глобусом. Чтобы он делал без этих разрисованных карт? И разве может сравниться невежество глупцов с огромным миром незнакомых стран, городов, морей и

маленьких речушек? Вот где настоящая жизнь! Здесь можно мечтать и жить мечтой. И как было бы хорошо куда-нибудь съездить!

В учительской кроме практикантки никого не было. Она сидела возле глобуса, рассматривая его с интересом школьницы перед предстоящей контрольной по географии. Было бы невежливо вот так просто забрать глобус, но звонок уже прозвенел, и надо было торопиться. В другой раз он, конечно, рассказал бы какую-нибудь занятную историю, но только не сейчас, нет. Ведь в его плохом настроении была отчасти виновата и она. Девушка явно приглянулась учителю физкультуры, иначе он бы так не рисовался перед ней. И что в этом особенного? Разве так трудно привлечь женское внимание? Конечно, он не стал бы рассказывать анекдоты, а рассказал бы ей об острове Св. Лаврентия в Беринговом море, об эскимосах – оленеводах, например. Куда ведь интереснее и познавательнее. И как бы сожалел об упущенной возможности, он молча взял глобус и пошел в класс.

В классе все было как обычно. Первые парты готовились к следующему уроку математики, а последние к раздаче игральных карт.

Поставив глобус на стол, Лаврентий Павлович стал медленно развешивать карты, тем самым давая понять всем, что он уже в классе. Потом, резко повернувшись, он посмотрел в сторону последней парты и сухо произнес:

– Амирян! К доске.

Рыжеволосый Арман, в помятых джинсах и сандалиях на голую ногу, нехотя вышел из-за парты. Он подошел к карте и, взяв указку, стал что-то высматривать на ней. Первые парты зашипели: «С – С-С»....

Арман не обладал даром угадывания и обвел указкой американский материк. Затем уверенно произнес:

– Здесь живет много армян. Когда я окончу школу, то тоже поеду в Америку и буду жить там. В Америке живет мой дядя, крупный бизнесмен. У него есть магазин и хим. чистка.

– И это все, что ты знаешь об Америке?

Лаврентий Павлович грустно посмотрел на ученика.

– Нет, не все. Америку открыл армянин. Его звали, как и моего американского дядю, Христофором.

Ученики рассмеялись. Лаврентий Павлович жестом руки остановил смех и раздраженно спросил:

– Кто-нибудь знает тему сегодняшнего урока?

Отличница Асмик встала и четко произнесла:

– Сицилия. Остров в Средиземном море. Столица – Палермо.

– Достаточно, Асмик. Продолжит Арман. Надеюсь, на этом острове у тебя нет родственников, и ты туда не собираешься?

– Нет, родственников нет, – вздохнул Арман, – но я с детства знаком с Сицилией по фильмам. Это очень хороший остров, и главная его достопримечательность – мафия. Если бы мой дядя жил в Палермо, я бы поехал к нему обязательно.

В классе опять рассмеялись.

– Садись, Арман, и передай родителям, что они могут тебя отправлять в Америку прямо завтра. Школу тебе заканчивать не надо.

Лаврентий Павлович подошел к глобусу, посмотрел на него с той нежностью, с которой смотрят на новорожденного и начал свой рассказ.

– Сицилия занимает территорию примерно такую же, как и Армения. Большую часть острова занимают горы. Климат средиземноморский, растительность степная и кустарниковая, по склонам гор – широколиственные леса. Являясь аграрной областью, она дает большую часть урожая лимонов, апельсинов, мандаринов по всей Италии. В отличие от Америки ее открыл не армянин Христофор, как было замечено ранее. Древними жителями Сицилии были сиканы и сикулы.

Лаврентий Павлович посмотрел на детей и понял, что дети его не слушают.

Им действительно была ближе и понятней сицилийская мафия из остросюжетного итальянского кино. Греки, римляне, карфагеняне школьников не интересовали. Совсем немногие из добросовестных детей, конечно, вызубрят учебный текст, чтобы забыть его уже через день и снова

подсядут к телевизорам. А там – сицилийская мафия, с которой конкурировать просто невозможно.

Как же ее перехитрить? Ведь должен же быть какой-то выход? И выход нужно искать, конечно же, в педагогическом подходе, чтобы заинтересовать ребятшек. Сегодня же вечером он вытащит свои студенческие конспекты, проштудирует несколько полезных книг, чтобы дети слушали его, затаив дыхание.

До вечера оставалось несколько часов. Надо было еще успеть позаниматься с детьми, которым всегда трудно открыть учебник без посторонней помощи, и это за них должен был сделать Лаврентий Павлович. Частные уроки решали только часть земных проблем, но покупку шоколадного масла он решил не откладывать и поэтому решил зайти в ближайший супермаркет.

В супермаркете было уютно и немногочленно. В отделе электротоваров светился маленький телевизор. На экране трое красавцев выясняли что-то на итальянском. Переводчик, сильно запаздывая, озвучивал речь на русском, и получалось нечто такое, что трудно воспринималось на слух и приходилось напрягать зрение. Один из красавцев вытащил пистолет, устроив такую пальбу, что переводчику надолго пришлось замолчать.

Продавщица электротоваров, сочувственно покачивая головой и повернувшись к покупателям, проговорила:

– Мафия. Представляю, как там страшно жить.

Все присутствующие с этим согласились и обрадовались, когда на светящемся экране появились новые кадры из детского мультлика. Оказалось, что мафия не так уж страшна для стран, не соседствующих непосредственно с Италией, и ее легко уничтожить даже без пальбы. Нужно просто переключить телевизионный канал.

Лаврентий Павлович не любил телевизор, а если и смотрел, то только познавательные передачи о странах, городах, озерах и реках. И никакая мафия его не интересовала. Он вообще считал, что людям свойственно сильно

преувеличивать, а потом свои наболевшие фантазии перекладывать на телеэкран.

В десятом часу вечера Лаврентий Павлович поднимался на седьмой этаж многоквартирного дома. Он намеренно не пользовался лифтом, чтобы быть уверенным, что критический возраст далеко за горами и ему не о чем беспокоиться. И все же одно обстоятельство такой спокойной жизни сильно удручало. Он был холост. Конечно, разные варианты женского кокетства и любопытства появлялись. Но это были всего лишь варианты, а ему нужна была та единственная, о которой мечтают немногие мужчины, лишь только потому, что мечты порой становятся реальностью.

В темной прихожей висела перегоревшая лампочка, и он сразу прошел на кухню, чтобы поставить чайник и забросить растаявшее шоколадное масло в холодильник. В его однокомнатной квартире всегда было прибрано, и грустные мысли о несуществующей жене потихоньку уходили за дверь. Он, как обычно, заварил чай покрепче и густо намазал хлеб шоколадным маслом. Сидя за пустым кухонным столом, Лаврентий Павлович, попытался представить рядом с собой незнакомую женщину и маленьких детей. Ведь он мог жить как все. Каким бы он был тогда? Более счастливым и радостным? О чем бы он думал и что бы его волновало? Возможно, ему пришлось бы оставить школу и заняться предпринимательством. И тогда пришлось бы сказать своему призванию – «прощай!». Нет, такая жизнь показалась ему слишком проблематичной и тоскливой. И он, с легкостью собирая крошки со стола, наспех прибрал кухню, чтобы не думать о том, чего нет, и уже вряд ли появится.

В маленькой однокомнатной квартире было множество книг. Они аккуратно лежали в старом книжном шкафу, на полках, письменном столе и подоконнике. Совсем старые книги достались ему в наследство от родителей, а новые были его собственным приобретением. Он стал просматривать книги, чтобы найти что-либо занятное и особенно интересное. Он искренне верил, что дети полубоят географию так же, как и телевизор. Лежа на мягкой софе,

под тусклым светом настольной лампы, он сосредоточенно подчеркивал нужные абзацы текста.

В книгах действительно есть много интересного, и как жаль, что дети отвыкли читать. Настольная лампа вдруг стала мигать и свет потух. «Вот и хорошо», – подумал Лаврентий Павлович. – «Теперь мысленно нужно запомнить то, что я подчеркнул».

Он закрыл глаза и всего за несколько минут из своей комнаты попал на солнечный берег моря без визы, паспорта и багажа. На берегу было безлюдно, стояло несколько лодок, разрисованных красными, синими, желтыми полосами.

Он подошел к одной из них, сел в нее и поплыл. Ему хорошо была видна часть острова, застроенная двухэтажными домами и старинными особняками. Куда он попал? Где он? Он всматривался вдаль, пытаясь угадать название местности, которую, наверное, с легкостью нашел бы на карте. Но, увы!

Тогда он решил подплыть к берегу с другой стороны залива и подойти к заброшенному замку, окруженному желто-зелеными полянами. Он подплыл к берегу, вышел из лодки и подошел к старому замку, посеревшему и почерневшему за столько-то веков. Средневековая архитектура, причудливая растительность, горы и море, все увиденное подсказывало ему о том, что он здесь никогда прежде не был.

Возле замка было несколько заросших тропинок. Выбрав одну из них, он стал подниматься вверх по склону. Он был абсолютно уверен, что в этой глуши никого нет, прежде чем увидел девушку, похожую на русалку. Она стояла на краю обрыва и смотрела вниз. Увидев незнакомого человека, девушка не испугалась и не удивилась, а только спросила:

– Вы кто? Как вы здесь оказались?

Он пожал плечами и в свою очередь спросил, очерчивая вокруг себя пространство:

– Италия?

– Сицилия, – ответила русалка. И, немного помолчав, добавила:

– Стефания.

Лаврентий Павлович тоже произнес свое имя, пропустив все согласные.

Девушка переспросила:

– Лу-чия-но? О...!! – восторженно пропела она.

– Грация, – пробормотал он. Впервые его имя нравилось и нравилось замечательной девушке – русалке. Оно прозвучало на итальянском очень по-доброму. Быть может, он родился не в той стране и не в то время? Он мог бы жить здесь, рядом со средневековым замком возле тихого моря, ловить рыбу. Судьбе не свойственно мечтать, но порой и она выбирает из светлой палитры красок свой любимый цвет.

Лаврентий Павлович стоял на краю обрыва в чужой стране, и ему совсем не было страшно.